

Анатолий Беляев

Территория геологии

РЕИНКАРНАЦИЯ

Светлой памяти моих друзей,
чукотских геологов
Владимира Абрамова и
Юрия Тихомирова

– Владимир Александрович, – шофер вездехода Ванька Бульдозер в грязной промасленной робе ввалился под брезентовый полог, и в палатке сразу запахло соляжкой, – к нам кто-то идет от базы, один.

Начальник геолого-съемочного отряда Восточно-Чукотской комплексной экспедиции Володя Абрамов посмотрел на часы и прикинул:

«До базы партии двадцать километров по тундре, значит, гость вышел к нам рано утром. Ох, не в тему гости в середине полевого сезона, спокойно работать не дадут».

Володя Володя взял армейский бинокль и вышел из палатки вслед за Иваном.

Пронзительно холодный ветер порывами налетал с Ледовитого океана, отгоняя стаи надоевшего гнуса. Заслоня полнеба, надвигалась громада черных туч – предвестник обильного снегопада. По распадкам и в низинах стелился дым – горели торфяники. Низкое закатное солнце последними лучами окрашивало в золотистые тона вершины дальних сопок.

– Это же Юра! – одной рукой Володя держал у глаз бинокль, а другой отгонял стаю комаров, пристроившихся с подветренной стороны.

– Какой Юра? – удивился водитель.

– Даже олень в тундре, знает, кто такой Юра! Это Юрий Борисович Тихомиров – главный геолог управления. А ты Ванька плохо кончишь, если в твои годы за километр не можешь узнать начальника по походке.

Иван взял бинокль.

– Да, походка настоящего начальника – уверенная и независимая.

– Иди, готовь обед. И переоденься, воняет от тебя соляжкой на километр.

– Это по вашей милости двигатель едва не заporоли. Еще чуть-чуть и пришлось бы коленвал на горбу тащить в расточку, – огрызнулся Иван. – Оленину жарить?

– Да, и нацеди брусничной воды, печенкой чувствую, она сегодня нам пригодится.

– Думаете, принесет?

– Надеюсь.

Володя Абрамов и Юра Тихомиров вместе учились на кафедре геологии и поисков месторождений радиоактивных элементов Ленинградского университета и были закадычными друзьями. По распределению они попали в Магаданское геологическое управление на попутные поиски урана. Но оказались на геологической съемке – составлении геологических карт разных масштабов, поисках золота и других полезных ископаемых.

Через полчаса главный геолог подошел к лагерю. В распадке у палаток стоял потрепанный гусеничный вездеход и от него исходили какие-то странные всхлипы и стоны. Когда Тихомиров пригляделся, то заметил что у машины на тундровом ягеле, сидит человек, накрытый марлевым пологом, и обе руки его веревками привязаны к гусенице.

– Привет, – Тихомиров крепко пожал руку начальника отряда, – кто это у тебя к вездеходу привязан?

– Наш рабочий Андрюха до белой горячки набрался.

– И где же это он спиртное достал в эпоху тотального дефицита?

– Неделю назад Андрюха один шлиховал речку и маршрутом вышел к нашей летовке. Отыскал бочку с продуктами, вскрыл ее топором, забрал упаковку дрожжей и четыре килограммовых пачки сахара. Потом заквасил бражку в складной полиэтиленовой фляге и спрятал ее в овраге. Когда мы на вездеходе подъехали, то увидели вокруг бочки разорванные пачки от сахара. Андрей стал уверять, что это медведь бочку ра-

зорвал, и часть сахара успел съесть, а он, герой, выстрелами его отогнал.

Я, правда, еще тогда заподозрил неладное и подумал: «если этот медведь еще и дрожжи съел, то стоит ему напиться воды – пьяный будет целую неделю». И ребята удивлялись, как этот медведь до сих пор не издох, после того как на предыдущей летовке десять банок сгущенки сожрал, и жестянки не оставил.

Потом всю неделю Андрюха аккуратно ходил в маршруты, а позавчера ночью убежал в тундру и два дня в овраге кушал свою брагу, пока не допился до белки. И сейчас у него реинкарнация.

– Что? – не понял Юра.

– Реинкарнация, ну, это когда после смерти душа человека переселяется в другого человека или животное.

– И в кого же он превращается?

– В поселке, напивавшись «до белки», Андрюха обычно превращался в птицу – размахивал руками, открывал настежь окна в общежитии и с пафосом кричал: «Летите, летите на свободу розовые фламинго!»

– А сейчас почему он воет?

– Теперь он превращается в беременную сучку и рождает щенков. Как натура художественная он утверждает, что это не запой, а творческий отпуск, во время которого ему открывается Истина, и он видит то, что нельзя познать разумом.

От вездехода раздались лающие звуки.

– Вот, пожалуйста, еще одного щенка родил.

– И что же вы теперь с ним сделаете?

– Что с ним можно сделать? Материальный ущерб от хищения четырех килограмм сахара и упаковки дрожжей меньше стоимости бутылки водки. А шлиховальщик он от Бога. Когда из запоя выйдет, будет работать без выходных. И получит хорошую денежную премию.

– За щенков, от кого?

– От тебя!

– С какой радости?

– Он весовое золото на реке намыл.

– Вы что, хорошее рудопроявление нашли? – обрадовался главный геолог.

– Пока нет, но в одной пробе вдруг появились сразу три мелких самородка.

– А повторный шлих?

– Ничего не дал. Выше и ниже по течению в шлихах тоже одни «знаки».

– А на косе и в тундре.

– Тоже пусто.

– Если на площади листа не обнаружено месторождение или рудопроявление, значит, плохо искали. Работать надо в два раза больше.

– Ты из себя куваевского Будду не корчи, хотя по должности и габаритам подойдешь, – обиделся Володя, – начальству всегда кажется, что подчиненные мало работают.

– Ну, что, так и будем стоять до вечера? – Юра отмахнулся от комаров, накопившихся с подветренной стороны.

– Обед будет готов через двадцать минут! – крикнул из палатки Иван.

– Сначала чай. В горле першит от дыма.

– К вечеру с океана задует, – Володя зачем-то понюхал воздух, – дым унесет, но выпадет снег.

– Значит, ночь будет холодная. Кукуль у вас лишний найдется? Не хотелось тащить.

– Свой кукуль уступлю, в меховой парке спать буду, если ты, конечно, принес? – Володя пытливо посмотрел другу в глаза.

Юра скинул с плеч маршрутный рюкзак и загадочно ухмыльнулся:

– В командировке в Певеке зашел в гости к Вовке Михайлову однокомнатную квартиру обмыть. Ну, посидели, не хватило. Я за водкой побежал, а он поставил варить на газ картошку в мундире. Возвращаюсь, дверь закрыта, стучу, звоню никакой реакции. Заснул, подлец, на диване. Хотел в гостиницу возвратиться, но вспомнил, что картошка у него, наверное, уже выкипела.

Позвонил в соседнюю квартиру, объяснил мужику ситуацию, он оказался главным геофизиком, и попросил разрешения с его лоджии перелезть на Вовкину. Там рядом, но, пятый этаж и ветер с океана штормовой. Перелез удачно, а балконная дверь закрыта. Вижу через стекло, как Вовка развалился на диване и спит. И дверь из комнаты в коридор закрыта, поэтому он звонка и не слышал.

Я изо всех сил в окно стучать, чуть стекло не разбил. Вовка, наконец, проснулся, глазами поморгал, меня не заметил и пошел открывать входную дверь. Я снова стучать и орать. Он вернулся, увидел меня на

лоджии, открыл дверь, и, совершенно не удивившись, как я там оказался, спросил:

«Ну, принес?»

– Ты не увиливай и отвечай честно, принес?

– Скажи, кем в России считается человек, пришедший в гости с литром водки? – ухмыльнулся Тихомиров.

– Известно кем, родственником!

– А если он принес литр спирта?

– Близким родственником! – воскликнул Володя. – Не зря моя печень при виде тебя екнула.

Геологи зашли в просторную камеральную палатку.

– Володя, я тебя сразу предупреждаю, чтобы без этих дурацких шуток со змеями.

Юра с детства панически боялся змей, в том числе и искусственных, поэтому в каждой партии и отряде на случай визита главного геолога имелась деревянная змейка, которая обязательно лежала в камералке где-нибудь между образцами.

– Холодный чай будешь? – предложил Володя.

– Умираю, хочу пить.

Тихомиров залпом осушил кружку холодного зеленого чая.

– Спасибо! А это что за художественное произведение? – Юра заметил на столе небольшую картину без рамки, написанную маслом на грунтованном картоне.

– Андрюхина работа, – с гордостью произнес Володя, – талант не пропьешь!

– Да, обычно именно этой фразой утешают себя горькие пьяницы, – Юра взял картину в руки, чтобы как следует рассмотреть.

– Ты ее кверху ногами держишь, подпись художника должна быть внизу, – предупредил Володя.

Юра перевернул картину.

– Да, так лучше. А почему на пне глаз нарисован?

– Сам ты пень, и ничего не понимаешь в абстрактной живописи. Это же мой портрет.

– Что ж ты сразу не сказал, теперь вижу, действительно, похоже! И глаз на месте. Прямо как у натурщицы Пикассо, которая говорит молодому художнику пытающемуся вступить с ней в интимную связь: «Молодой человек, пожалуйста, осторожней – там глаз, а то, что вы страстно ищете, находится у меня за левым ухом!»

Все, давай о работе – Юра отложил портрет, – какие успехи?

Володя достал с полки бумажный сверток и развернул его на столе.

– Вот, на берегу реки нашел железный метеорит, захвати его с собой – отвезешь в Академию наук, когда в отпуск поедешь. Там на этикетке записаны координаты места находки.

– Между прочим, парижская академия наук еще в конце восемнадцатого века постановила, что: «в небе нет, и не может быть камней, а потому всякое известие о том, что они оттуда падают, заведомо ложно».

– Ты же не в парижскую академию наук его отдашь, а в нашу, – не понял юмора Володя.

– Тяжелый, – Юра взвесил метеорит в руке, – осколок железного ядра разрушенной планеты, такой же, как и наша Земля.

– Быть может, на этой планете была жизнь и разумные существа? Интересно, какие чувства они испытывали, когда гравитационные силы разрывали на куски их планету. Вот это был настоящий Апокалипсис!

– За метеорит начальство все равно не похвалит, – вздохнул Юра, убирая образец в полевую сумку, – лучше бы месторождение золота найти. Не с неба же упали эти самородки на реке. Покажи шлих.

Володя развернул пакетик. На коричневой бумаге среди серой мелкозернистой массы слюды и черного магнетита виднелись три золотые пластинки.

– Сильно расплющены, видно далеко их по реке тащило, – определил Юра, – ну-ка, покажи карту.

Геологи склонились над геологической картой.

– В первую очередь вот здесь надо заложить шлиховой профиль, – главный геолог обвел карандашом район на юге площади, – возможно с этим гранитным массивом связаны кварцевые золотоносные жилы.

– И опробовать верховья этих двух ручьев, – уточнил начальник партии.

– Ну, теперь показывай результаты съемки.

Володя разложил на столе черновики геологических карт с отмеченными маршрутами и обнажениями.

– Почему на этом обнажении не обозначены элементы залегания пород? – строго спросил главный геолог.

– Серега компас потерял в маршруте.

– А без компаса ориентироваться не умеет? Что теперь, осени ждать будете?

– Почему осени?

– Птицы на юг полетят, и укажут вам, где и какие страны света.

– Остришь, начальник? – обиделся Володя.

– Новые времена наступают, скоро будем составлять на компьютерах цифровые геологические карты.

– Ты сам-то компьютер освоил? – усмехнулся Володя.

– Осенью мне первому в управлении поставили в кабинет персональный компьютер, а я даже не знал, как его включить. Инструкция толстая как «Капитал» Карла Маркса, читать лень и спросить не у кого. А начальник поставил задачу освоить его за месяц, как будто это пишущая машинка. Начальнику что, у него секретарша есть, чтобы всякие там бумажки печатать, а мне приказали учить геологов составлять электронные карты. Ну, думаю, вот и пришел мой конец, придется увольняться или в полевой отряд переходить. Никогда мне этот компьютер не освоить. Остался как-то вечером в кабинете один и нажал на кнопку включения. Он загудел и вдруг как пикнет! Я испугался и сразу его выключил.

– Это сигнал проверки клавиатуры, я и то знаю.

– Что делать? И тут случайно познакомился с одним парнем компьютерщиком. Он мне и открыл глаза. Оказывается, процессор компьютера примитивная логическая система, которая умеет лишь складывать, а все остальные операции строятся на сложении. Но делает он это с ужасной скоростью – миллион операций в одну секунду. Поэтому, используя сложение, можно составить программы и на экране нарисовать что хочешь, и даже фильмы показывать.

– Что-то уж больно просто.

– Я и подумал, неужели я с моим мощным интеллектом эти счета не освою.

– А кто тебе сказал насчет мощного интеллекта? Боюсь, тебя ввели в заблуждение, – не удержался и съехидничал Володя.

– Оформили мы этого парня на работу в управление, и он за месяц научил меня пользоваться «офисом» и другими программами.

– Что-то больно быстро. Неужели и правда сработал мощный интеллект?

– Но однажды курьез вышел – сажусь работать за компьютер, а новомодная беспроводная мышка просто взбесилась. Двигаю ее, а курсор как ненормальный мечется по полю, и я никак не могу навести его на иконку. Звоню парню и рассказываю в чем дело, а он говорит, что я мышь держу наоборот.

– Сдается мне, что мы еще не скоро будем составлять цифровые карты, – Володя вновь наполнил кружку Юры холодным зеленым чаем.

– Наш главный инженер тоже отличился, звонит компьютерщику и жалуется, что у него сломался компьютер. Парень интересуется, в чем дело, может быть, не загружается или зависает. А инженер ему говорит, что сломалась подставка для кофе. Парень удивился и спрашивает:

«Разве у вас есть такая подставка? Где она находится?»

Инженер говорит:

«Ну, эта, хреновина, которая сама из ящика выезжает, когда на кнопку нажмешь».

– Это устройство чтения компакт-дисков! – засмеялся Володя.

– Дальше – больше. Отправили меня в командировку в Москву осваивать геоинформационные системы для составления цифровых геологических карт, чтобы вас потом учить. Теперь я в ГИСах король. Три шкуры с вас спущу, но электронные карты составлять заставляю.

– У нас в экспедиции всего два компьютера, а ты нас цифровыми картами пугаешь.

– Скоро компьютеры будут стоять на столе у каждого геолога, я тебе обещаю. И, быть может, геологи с компьютером в маршруты ходить будут.

– Когда, в двадцать втором веке на Луне?

– В Москве нам продемонстрировали маленький такой переносной компьютер для геологической съемки. Он связан со спутником через систему джипиэс. Представь, сидишь на обнажении, на мониторе карта и на ней обозначено твое местоположение. Ставишь условный знак породы и элементы залегания пластов, а в микрофон диктуешь описание обнажения. Потом делаешь снимки обнажения цифровым фотоаппаратом и записываешь их в компьютер. Здорово?

– Дорого стоит?

– Четыре тысячи долларов.

– Однако, а если этот ящик в воду упадет или под дождем вымокнет?

– Тогда из твоей зарплаты высчитают, чтобы работал осторожно и клювом не щелкал.

– Вы лучше вездеходы новые купите, а то наши на металлолом давно пора.

– Нам бы коленвал новый для пепелаца, – слышался снаружи голос Ивана, который прослушивал разговор геологов и, наконец, услышал интересную для себя тему.

– Будут и новые вездеходы.

– Хватит сказки рассказывать, – усмехнулся Володя.

– Ладно, вернемся на землю, – Юра протянул кружку за новой порцией чая, – на границах твоего участка мы сделаем «офицерский» маршрут – без рабочих, опробования, документации и радиометрии, просто для увязки геологических разрезов. Пригласим соседей и согласуем все вопросы с маркирующими горизонтами еще в поле до составления карты. И это будут опорные разрезы. А то в камералке вы нарисуете карты, а границы свит у вас не стыкуются, и уступить никто не хочет.

– Давно бы так надо. Ну, что, обедать будем, или как?

– Или как! – Юра достал из рюкзака и поставил на стол две бутылки питьевого спирта.

– Одну ребятам оставим, – Володя спрятал бутылку во вьючный ящик, – им завтра в лагерь возвращаться по заснеженной тундре. Вот обрадуются. Иван, тащи обед, – громко крикнул Володя, чтобы шофер в соседней палатке его услышал.

Водитель появился сразу, будто стоял за дверью, с котелком в одной руке и с бидоном в другой.

– Это холодная уха из гольцов, как заказывали, а это брусничная вода, – Иван поставил бидон на стол, – а потом я оленину зажарю на большой сковороде.

– Он у нас будет аналитик, – отрекомендовал Володя водителя.

– Какой аналитик? – Не понял Юра.

– Следить будет: а налито ли у нас.

Брезентовая крыша палатки вдруг затрепетала от налетевшего ветра.

– Ну, вот и началось, дохнул студеный Север!

– Мужики, Вы что, охренели? Я же замерзну! – донесся снаружи палатки отчаянный вопль от вездехода.

– Черт, про Андрюху забыли! – Володя хлопнул ладонью по лбу, – замерз уже, наверное, но зато кончилась белая горячка. Иван, проводи его в палатку и засунь в кукуль. Завтра будет как огурчик. Теперь он у меня до конца сезона ни грамма спиртного не получит. И никакой похмелки.

– Ну, это жестоко!

– Если похмелье не лечить, то оно проходит за день, а если лечить за неделю!

Было слышно, как Иван ведет Андрюху к палатке и приговаривает:

– Сейчас, разотру тебя свитером и в кукуль.

– Не простудится? – забеспокоился Юра.

– Ни хрена с ним не сделается. Пока два дня бражку кушал, не простудился, а если б не привязали, то убежал спьяну в тундру, замерз и песцы обглодали, как Степана в позапрошлом году.

Иван вернулся с закопченным чайником в руке.

– Все, Андрюху растер и в кукуль, уснул как убитый, – доложил он. – Холодно стало, сейчас печку растопим.

– А каменный уголь, где достали? – заинтересовался Юра, наблюдая как Иван вынимает из ведра черные куски.

– Нашли горизонт в обрыве реки, там и ломаем.

Каменный уголь горел синеватым пламенем с характерным шипеньем и запахом. В палатке стало тепло.

– Налито! – воскликнул Иван.

– Первый тост: «За Мать Геологию!» – объявил Юра.

Мужики дружно сдвинули кружки и чокнулись «по-геологически».

В палатку зашел кот Васька по кличке Доцент. Уж очень он был похож на рецидивиста Доцента из фильма «Джентльмены удачи». На его круглой рыжей морде с короткими обмороженными ушами красовался один глаз как у пирата, второй был рассечен рваным шрамом. Кот по очереди оглядел присутствующих, остановил суровый взгляд на Тихомирове, явно выделяя его как начальника, и сипло мяукнул: «Мяв».

На этом он посчитал официальную часть знакомства исчерпанной, и легко запрыгнул на край раскладушки у самой печки. Кот свернулся клубком и блаженно замурлыкал.

– Здоровый котяра, отъелся в тундре на леммингах, и теперь килограммов пять весит, – с гордостью заявил Володя.

– Он и трех не потянет, – усомнился Юра.

– Спорим на бутылку, что пять килограммов, не меньше, – завелся Володя, – Бульдозер тащи безмен и пробный мешок, сейчас взвесим.

Водитель принес мешок и Володя, приласкав, взял кота на руки. Васька не сопротивлялся, но при попытке засунуть его в мешок, яростно зашипел, справедливо полагая, что в такой позиции его спокойно могут утопить. Кот вырвался, сердито посмотрел на пьяных геологов и снова улегся на спальный мешок у печки.

– Будем считать, что спор не состоялся, – сдался Володя.

Под брезентовый полог вползла лайка. Она выпрямилась и сходу ткнулась носом в спящего кота. Реакция Васьки была мгновенной – он развернулся словно пружина и собака, получив удар когтистой лапой по морде, взвизгнула от боли. Васька даже не вздыбил шерсть, а пронзил собаку взглядом и улегся на свое место.

Лайка отряхнулась, своим обиженным видом показывая: «Вот, уже и понюхать его нельзя, швабра рыжая». Она приветливо махнула пушистым хвостом и положила лапу на колени Абраши.

– Ну, что пришла, лапка болит от непогоды? Все как у людей. Давай подлечу. – Володя потер ладони и осторожно обхватил ими больной сустав. Собака благодарно заскулила.

– Весной занозила лапу, а потом опухоль разгрызла, и пошло заражение, чуть ногу ветеринар не оттяпал, – пояснил Иван.

– Ну, что, прошло? – Володя отпустил лапу собаки, – Теперь, я чувствую, с гостем хочешь познакомиться?

Лайка сначала понюхала сапог Тихомирова, потом кожаную португепю пистолета. Юра погладил собаку

по голове и наклонил к ней голову. Собака дружелюбно лизнула его в щеку и, в знак доверия, подняла раненую лапу.

– Ты настоящая ездовая хаски? – удивился Тихомиров, – с голубыми глазами.

– Самая настоящая и очень ласковая.

Собака чувствовала, что говорят о ней, и отчаянно виляла хвостом.

– Интересно, почему все чукотские лайки такие добрые?

– Потому что собак злобных к людям сразу убивали, вот и сработал искусственный отбор, остались одни добрые.

– Жаль, что в человеческом обществе, пока все наоборот. А как тебя зовут? – Юра погладил собаку.

– Зовут Люська, а прозвище «Разлучница», – ответил за собаку Володя, – Этой весной, когда она должна была ощениться, ее прикармливал наш завхоз. И тут его скрутила язва. Он срочно улетел к себе в Харьков операцию делать. А через месяц ребята отбили ему телеграмму: «Поздравляем, Люська родила тройню!» С намеком, конечно, у нас в партии так повариху зовут и у завхоза с ней были шуры-муры. Жена случайно телеграмму увидела и раскричалась на всю больницу. Завхоз ей объяснил, что Люська это партийная сучка. А она кричит: «Знаю, что Ваша Люська – сучка, а ты кобель шелудивый! Иди, к ней в тундру» Чуть до развода дело не дошло. Вот теперь мы и зовем ее Разлучница.

– А щенки где?

– Оленеводы разобрали. За одного щенка недавно ведро оленины нам подарили.

Люська понюхала новенькую португую и даже лизнула кобуру пистолета.

– Зачем ты пистолет с собой таскаешь? – усмехнулся Володя. – Карабин надо было взять. Андреич приладил бы к нему оптический прицел и по осени можно гусей стрелять. А пистолет одно пижонство.

– Открывайте! – закричал снаружи Иван.

Откинулся полог, и в проеме двери показалась огромная чугунная сковорода со скворчащими в жиру кусками оленины. Тихомиров убрал со стола карты, освобождая место для сковородки:

– Давайте быстрее, пока мясо не остыло. Налито! – Воскликнул Иван, и геологи подняли кружки.

– Отличная оленина, – похвалил Юра, закусывая.

– Я в первом маршруте чуть оленя не застрелил, – похвастался Володя.

– Почему «чуть»?

– Иду по тундре и замечаю – в распадке по снегу движется небольшая группа оленей, только головы видны. Приладил карабин на камень, жду. Когда показался первый олень, что-то удержало меня от верного выстрела. И, как оказалось, не зря. За оленями двигались нарты.

За стеной палатки завыл ветер, и ледяная крупа зашуршала по брезенту.

– Разыгралась непогода, – Володя зажег вторую керосиновую лампу, – завтра к утру сугробы наметет по пояс.

– Где у вас тут отхожее место оборудовано? – забеспокоился Юра.

– Сто метров по азимуту ноль, на краю оврага ширма стоит.

– Как же в такую погоду определить, где Север?

– Тогда осени подожди, птицы на юг полетят и укажут тебе, где и какие страны света, – съехидничал Володя.

– Фонарь у тебя есть?

– Смотри в овраг не свались, возможно, ширму ветром повалило. И оставь свой дурацкий пистолет, да еще и с портупеей.

– Начальник всегда должен быть при оружии.

– Ты хоть стрелял из него, или только чистишь и смазываешь?

– Еще ни разу не стрелял, все некогда.

– Тогда в маршруте постреляем.

Юра откинул полог, и снежинки роем ворвались в палатку.

Через десять минут вернулся растерянный Тихомиров.

– Володя, чертовщина какая-то, у меня сперли пистолет вместе с портупеей.

– Где?

– Ты еще спроси: «кто». Ширмы не нашел, присел на краю оврага, снял портупею, положил сбоку, оборачиваюсь, а ее уже нет. Я сначала на тебя подумал, но ни каких следов нет, да и шума не слышал. Как это может быть?

– Песец тут один около лагеря ошивается, шустрый такой, от нашей хромой Люськи убегает в два счета. Наверное, утащил к себе в нору и закопал. Где его теперь найдешь.

– И что мне будет за утерю пистолета?

– Не расстраивайся, в нынешние времена не посадят, переведут ко мне в отряд рабочим, будем опять вместе в маршруты ходить. Уж я тебя погоняю, ты меня знаешь.

– Абрамов, ты подлец. У друга беда, а он, вместо того чтобы оперативно организовать поиски, еще издевается. А я ему спирт принес.

– Если я сейчас отыщу твой пистолет, что мне за это будет?

– Исполню любое желание, – не подумав, выпалил Юра.

– Договоримся так, если найду пистолет, то сегодня целый вечер, как только я подниму руку, ты немедленно начинаешь громко петь мою любимую песню, помнишь, которую Абель исполнял:

«А...а...а..., все к чертям,
Надоело лазить по горам,
Встретить бы нам,
Людоедочку из племени Ням-ням!»
И так десять раз.

– Володя, неужели ты будешь позорить меня перед подчиненными. Что я петух кричать по твоей отмашке?

– Петух кричит по велению души. Ивану скажу, что это любимая песня нашей студенческой группы. Ну, если ты не хочешь, то и не буду искать.

– Где пистолет?

– Пошли.

Геологи вышли из палатки. В свете фонарей, закручиваясь спиральными вихрями, летели хлопья снега и

залепляли глаза. Ветер валил с ног, и приходилось наклоняться ему навстречу.

– Как в такую круговерть можно в тундре найти пистолет с портупеей? Уж не сам ли ты его стащил? – прокричал Тихомиров сквозь завывания ветра.

– Нет, но догадываюсь где он, может быть.

Друзья подошли к неглубокому овражку, на дне которого среди кусков торфа, принесенных весенним паводком, лежала припорошенная снегом портупея с кобурой. Тихомиров схватил ее, отряхнул и открыл кобуру – пистолет оказался на месте.

– Абрамов, ну ты шаман! – воскликнул Юра. – И как ты догадался?

– Это Люськина работа, ее лежка. Есть у нее один недостаток – стащить что-нибудь кожаное, а потом сгрызть. Я так лишился нового офицерского ремня.

В палатке Юра разобрал пистолет и тщательно протер все детали масляной тряпкой.

– А теперь давай потренируемся, – Володя поднял руку и геологи дружно заголосили:

«А...а...а..., все к чертям,

Была б «Столичная»,

Закуски хватит нам,

Выпить бы нам,

С людоедочкой из племени Ням-ням!»

– Все, мужики, налито! – Иван разлил по кружкам остатки спирта. – Осталось на последний тост.

– До чего, ты говорил, допился Андрюха? – вдруг спросил Тихомиров, поднимая кружку.

– До белой горячки, – вздохнул Володя.

– Нет, как называется переселение душ?

– Реинкарнация. Говорят, что она позволяет отложить все неприятные и незаконченные дела на будущую жизнь.

– Вот, если она существует, то я хотел бы вернуться в эту тундру в облике чукотской лайки и работать с геологами.

– Наш Андрюха тоже мечтает в лайку превратиться, – сообщил Иван, – и утверждает, что на планете Земля собаки самые достойные живые существа, не способные на подлость, обман и предательство. И только глубоко порядочные люди могут рассчитывать в следующей жизни стать собаками.

– У собак только один недостаток – воруют и ничего не могут с собой поделать, – вздохнул Володя, – а этого недостатка у нас с тобой Тихомиров никогда не было.

– Не надо ровнять всех собак, – возмутился Иван, – у меня был пес, который страшно любил пироги. Однажды на какой-то праздник, жена испекла кулебяку с мясом, положила ее в кухне на блюдо, накрыла полотенцем, оставила на табуретке и ушла к соседке. А я на работе задержался и когда вернулся, то застал бедного пса, лежащего у пирога в луже собственной слюны. И он так на меня посмотрел, что я сразу отдал ему половину кулебяки, и жена меня потом за это даже не ругала.

В дверь палатки вползла Люська и, положив голову на лапы, виновато уставилась на Володю. Снежинки таяли на ее опущенных ушах.

– Ну, что, воровка, с повинной пришла? Расскажи нам, кем ты была в предыдущей жизни до реинкарнации.

Собака по голосу почувствовала, что прощена и внимательно по очереди посмотрела на всех присутствующих, словно спрашивая: «А вы откуда про это знаете?» Она подошла к Володе, и ткнулась мордой в колени.

– А я видел, – Иван погрозил собаке, – сейчас все расскажу. Ремонтирую вездеход и вижу, на другой стороне оврага по тундре идет медведь, опустив голову к земле, словно перед нападением. А навстречу ему во всю прыть, как на свидание с любовником, бежит Люська. Ну, думаю, все, сейчас медведь сожрет нашу собаку. Хватаю карабин и передергиваю затвор. И тут Люська подбегает к мишке, а он как пьяный дурачок, заваливается на спину. Собака прыгает вокруг него и, шутя, кусает за лапы. А потом ласкаться стали как любовники. Я даже испугался, показалось, что увидел нечто такое, о чем люди не должны знать, хорошо не успел выстрелить. Только сейчас понял, что, наверное, Люська просто, встретила старого друга, который после реинкарнации превратился в бурого медведя.

– Так было? – Юра погладил собаку.

Люська виновато опустила уши, словно призналась: «Ну, вот, теперь вы знаете все!»

– Кстати о реинкарнации, – Володя жестом показал Ивану, чтобы тот наполнил кружки брусничной водой, – на спиритическом сеансе женщина вызвала дух своего мужа и спросила, что он теперь делает в другом мире. Муж ответил, что встает рано, занимается любо-

вью, ест и спит, потом опять, занимается любовью, ест и спит, и так целыми днями без просвета.

«Ты где, в раю что ли?» – удивилась жена.

«Нет, это у меня уже седьмая реинкарнация и теперь я кролик в Кентукки».

Так выпьем за нашу будущую реинкарнацию, что бы мы попали в приличные условия.

– А Вы знаете, почему Андрей превращается именно в суку, а не в кобеля? – хитро прищурился Иван. – Он где-то вычитал, что при первой реинкарнации изменяется пол.

– Ничего, в конце концов, не век же нам кобелями ходить, – не смутился Тихомиров, – станем рожать отличных щенков!

– Ладно, я тоже согласен после реинкарнации стать чукотской лайкой и работать с геологами, – решил Иван.

– Ну, вот, вместе с Андреем нас будет четверо, а это уже стая, – Тихомиров поднял кружку, – давайте, мужики, за реинкарнацию, и за нашу стаю!

Быть может, мои друзья сейчас уже работают лайками с геологами в чукотской тундре, и, возможно, примут и меня в свою стаю.